

АКАДЕМИЯ ПЛАТОНА И ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ РОМАНА ГРОМОВА

Этот номер журнала посвящен современным исследованиям античной философии. В античной культуре берут свое начало не только всем известные «рационалистические» установки, сформировавшие образ мысли европейского человека, но и педагогические практики и идеалы. Проблемы преподавания философии, а оно выросло из античного, гуманистически ориентированного мировоззрения, всегда занимали Романа Громова. Он ставил вопрос: что изменяется в восприятии античных идеалов, если учитывать региональную, языковую специфику и набор образовательных традиций? И я могу сказать, что тот идеал философии, протекающей в стенах факультета, который формулировал Роман Громов, вполне соответствует идеалам Академии Платона.

Продолжая мысленную беседу с нашим учителем и коллегой Романом Громовым, хочется поставить два вопроса, совершенно актуальных и сегодня: какова судьба античного наследия и что означает – преподавать философию? Надеюсь, что этот номер «Южного полюса» частично даст ответ на первый вопрос, а эта статья даст частично ответ на второй.

О ранней академии Платона мы узнаем у Диогена, Симпликия, Алкиноя; и от авторов, которые подробно разрабатывают этот вопрос: У. Гатри, К. Гайзер, Д. Диллон. Академия Платона открылась около 387 г. до Р.Хр, в 367 году в нее приходит Аристотель. В 247 г. заканчивается период развития древней академии, наступает правление Аркесилая. В этот период Академия движется в сторону скептицизма, полемики с конкурирующими учениями, а не в сторону положительного развития и комментария философии Платона.

У. Гатри в «Истории греческой философии» фиксирует следующее положение: те свидетельства об устном Платоне, (главным образом – о его знаменитой лекции о благе), и которые записывал Аристотель, лежат в основе мнения о том, что именно преподавалось в академии. Судя по свидетельствам, это были семинары по диалектическим и математическим основаниям философии Платона. Но повышенное внимание к этим свидетельствам, свойственное сторонникам «тюбингенской революции» в платоноведении, Гатри не одобряет, он не считает их достаточными чтобы обозначить их в качестве основы того, что преподавалось в академии. Но если оставить в стороне это расхождение (тюбингенцев и Гатри в данном случае), то мы остаемся со следующим: в академии преподавалось то, что относится к гносеологическому и онтологическому основанию философии Платона.

К. Гайзер допускает, что в Академии «благо» описывалось в математических терминах. Благо есть суть учения Платона, его вершина, понимать его следует как единое, единство. Что касается организации учебы, то, как считает Гайзер, внутри Академии не было однородности: среди всех учеников, был закрытый круг, более приближенный к Платону, куда входили более близкие и талантливые ученики,

записывающие за ним его рассуждения. И многолетний, преподаваемый курс диалектики был единственной возможностью подойти ученику к «благу».

Академии Платона свойственны закрытость, элитарность, эксклюзивность, а по некоторым догадкам – даже тайная атмосфера. Все имеющиеся свидетельства единодушны в утверждении, что учеником в Академии не мог стать любой человек, в Академию принимались люди с высоким уровнем философской рефлексии, и главное — с желанием и умением постигать суть философии Платона.

Ученик Аристотеля Аристоксен указал, что Платон прочел лекцию о благе, и комментаторы разошлись по вопросу факта ее периодичности. Лекция, как преподавательская стратегия, могла быть свойственна деятельности Академии, лекции могли быть систематическими, и отражать суть учения Платона, но так же можно утверждать, что лекция о благе была уникальным разовым событием. Что точно было регулярным в Академии, так это занятия по диалектике. Алкиной в «Учебнике платоновской философии» пишет, что Платон учил диалектике, и связывает занятие диалектикой со словом «логос» - знание. Что здесь есть «логос», мы читаем: Διαρείται δὲ αὐτῆ εἰς τε τὸ διαιρητικὸν καὶ τὸ ὀριστικὸν καὶ τὸ ἐλαγωγικὸν καὶ τὸ συλλογιστικὸν («разделение этого (то есть диалектики — прим. авт.) есть на разделение, и определение, и индукцию, и силлогизм»).

Романа Громов свое видение этой проблемы выразил в том числе и в статье «Нужен ли нам Хайдеггер? К вопросу о перспективах отечественной академической философии»¹. Он считает, что хайдеггеровское представление о философии для отечественной академической философии не является полезным. Вместе с тем, популярность Хайдеггера на философских факультетах очевидна: легко проследить, что по философии Хайдеггера пишется большое количество курсовых и дипломных работ, Хайдеггер часто присутствует в качестве авторитетной фигуры в различных учебных курсах. Объясняется это тем, что идеологической доминантой отечественного философского факультета выступает мотив обучающихся найти «решение личных проблем, проблем самоопределения».

Философский факультет, по мнению Романа Громова, не должен выполнять «квазирелигиозные функции морального и мировоззренческого ориентирования». Обращение к Хайдеггеру является показателем философского свойства более глубокой ситуации, сложившейся на философском факультете. Позиция Романа Громова идет вразрез с достаточно устоявшимся на факультете положением вещей: философскому факультету свойственен большой объем интеллектуальной активности, заключенной в понятиях «духовность», «совершенствование». Разумеется, ни Роман Громов, и ни какой другой преподаватель философии не станет отвергать феномен индивидуального роста в философии: человек складывается как специалист в процессе обучения на факультете. Но речь идет о другом: к сожалению, часто случается так, что идеологическая составляющая процесса обучения доминирует над содержательной, по-философски абстрактной, свободной от каких-либо оценок.

Почему так произошло с отечественной институциональной философией? Роман Громов считает, что это является следствием системного кризиса: философия

¹ Громов Р.А. Нужен ли нам Хайдеггер? К вопросу о перспективах отечественной академической философии// Философия М. Хайдеггера и современность (к 120-летию со дня рождения философа): материалы Международной научной конференции (Краснодар, КубГУ, 16 октября 2009 г.). – КубГУ, 2010. - С. 67-75.

утратила функцию официального идеологического инструмента, и «перед ней остро стала проблема легитимации – обоснования ее права на существование в глазах государственной бюрократии, научного сообщества и в широких общественных кругах».

К этому я могу добавить, что для античной философии эта проблема легитимации была актуальной всегда, дополняясь угрозой личной безопасности философа. Для Платона, стоящего рядом хронологически с Периклом (годы жизни Платона: 427 – 34; Перикла: 490-429; то есть Платон застал «остатки» демократии), который «желает благополучия» тирану Дионисию, лучше «перевоспитать» тирана, чем восторгаться Периклом. Это объясняется очень просто: члены совета, члены высшего органа власти в демократических Афинах (выбирающиеся по жребию) осудили на смерть Сократа, также они до этого обвинили Анаксагора (кстати, друга Перикла) и изгнали его; и, возможно, эта участь постигла и Протагора. Деметрий из Фалерона, ученик Теофраста говорил: афинянам никогда не удавалось ладить с философами; возможно, и сам Платон думал о том, как бы ему предстать перед властями в более «демократическом» свете; событие 490 года, когда сожгли молеальный дом пифагорейцев тоже никто не забывал. Апологетике философии посвящено большое количество сюжетов в разных диалогах Платона, и они связаны с представлением о неизменной порочности большинства. Сюжеты о корабле, налетевшем на рифы, о собеседнике Сократа в диалоге «Горгий», который хочет дать кнутом по спине Сократу за то, что тот вырос таким большим, а все еще философствует как юнец – все это как раз укладывается в понятие «легитимация» философии.

Роман Громов видит выход из сложившейся ситуации в том, что философия должна «позиционировать себя в качестве научнообразного образовательного и исследовательского института», философия должна быть научнообразной. Эссеистический способ философствования, хайдеггеровский путь «вступления в истину бытия», и следующее из этого некое подобие священнодействия преподавателя во время преподавания философии – все это мешает гуссерлевскому идеалу философии как строгой науки, который разделяет и Громов. Хайдеггер, определяя уникальность занятия философией, говорит о том, что только философия в состоянии выразить сокровенное основание всего существующего, только в рамках философского разговора можно говорить «об опыте мышления бытия», причем философское говорение, доклад является моментом общего преподношения истины, «говорением» бытия о себе, выражением бытийной мысли, происходящее здесь и сейчас. Кстати, идея реализации философского знания во время своего свершения была продемонстрирована Гегелем, но у Гегеля реализуется одновременно и платоновский идеал философа как знатока всего, что происходит.

В Академии философом является тот, кто «способен все обозреть», как говорит Платон в «Государстве». От философа не должны укрываться никакие области бытия, требующие естественно-научной подготовки. Философия в Академии – это строгая наука: как пишет Джон Диллон², исходя из различных свидетельств, и даже из описаний поэтов-комиков, высмеивающих Академию (Алексис, Амфис, Эфипп, Антифан, Эпикрат, Алексид), становится ясно, что ученики Платона,

² Диллон Д. Наследники Платона: исследование истории Древней Академии (347-274 гг. до н.э.). – СПбГУ, 2005.

занимаясь разделением, расчленением исследуемого явления, идут к его «научному определению». Прямой и подробной информации о преподавании в Академии у нас нет, но доверяя исследователям, мы заключаем, что в Академии были математика и астрономия; что диалектика в Академии учила умению дать правильное определение исследуемой вещи или явления. Нам помогают тут и ранние трактаты Аристотеля, посвященные, как можно сказать, логике. Аристотель в «Топике» говорит о сущности и пользе диалектики для устных бесед, упражнений и философии. Она дает возможность отличать истинное от ложного, как говорит Аристотель, что полезно для «познания первых начал всякой науки» (Топика 1,2). Роман Громов как раз и стремился к такому же пониманию философии, к философии, как «исследованию глубинных предпосылок науки», к философскому идеалу, сформулированному вслед за Аристотелем Э. Гуссерлем.

Из многочисленных бесед с Романом я помню, как он формулировал главную институциональную установку, которая должна быть реализована на философском факультете: преподаваемые дисциплины и научный интерес преподавателя должны совпадать. Вот остается актуальным вопрос: насколько это возможно реализовать в современной высшей школе?

Андрей Тихонов